

— Хватит, — тихий и лёгкий голос Чжун Жуйчжи прозвучал.

Он говорил Яо Мянью.

Ситуация и так была ужасной, даже Яо Чан и Яо Лисин вышли из дома.

Они стояли за Чжун Жуйчжи, а со стороны Цан Ицзина был только он один.

Он стоял всю ночь, роса промочила его волосы.

Он выглядел так жалко, не похоже на него.

— Брат Цзин, зарабатывай ради своих мечтаний, — Чжун Жуйчжи сказал. — Ты говорил о торговом центре, и... о порте в районе Яньтянь.

Он уходил, но всё ещё надеялся, что Цан Ицзин не будет слишком подавлен, не забудет о своих делах и мечтах.

— Я знаю, что ты поехал на юг ради меня, — Чжун Жуйчжи сказал. — Но сейчас у тебя столько предприятий, тысячи людей работают на тебя, ждут зарплаты. Целые семьи зависят от тебя, ты... не подведи их. Ты так рано поехал в Шэньчжэнь, если не добьёшься успеха, тебя будут презирать. Может быть... когда я вернусь, я увижу проспект Шэньнань и порт Яньтянь, как ты говорил.

Давай повзрослеем, взросление — это принятие расставаний.

— Брат Цзин... прощай.

Он смотрел на Цан Ицзина, спокойно и искренне.

Как будто это был не тот Чжун Жуйчжи, который только что говорил жестокие слова.

Он повернулся и пошёл внутрь, Цан Ицзин протянул руку, чтобы пойти за ним, но Яо Чан остановил его.

Он смотрел, как Чжун Жуйчжи заходит в дом, как дверь закрывается, Яо Чан, хотя и не был таким высоким, но долгие годы армейской подготовки сделали его телосложение лучше, чем у обычного человека, он был сильным и знал слабые точки тела.

Большой палец надавил на шею Цан Ицзина, и, толкнув его, он вывел его за ворота.

— Уходи, — это, наверное, была какая-то особая точка в боевых искусствах, большой палец Яо Чана слегка надавил, и Цан Ицзину стало больно и голова закружилась.

Может, это было не от его силы, он и так должен был чувствовать головокружение и боль.

— Молодой человек, Жуйчжи прав, — Яо Чан сказал. — Моя сестра тоже права, возвращайся туда, откуда пришёл.

Он упрямо шагнул вперёд, Яо Чан крикнул, и с автобуса сразу же выбежало более десятка солдат в камуфляже и с короткими стрижками.

Фэн Ян, опасаясь, что Цан Ицзин получит удары, поспешил подойти и обхватил его за талию сзади. Яо Чан толкал вперёд, а Фэн Ян тянул назад, и в итоге им удалось оттащить его подальше к обочине дороги.

Яо Чан, согнувшись, опирался на колени, тяжело дыша:

— Чёрт возьми, мне уже за сорок, я действительно не могу с тобой соревноваться в силе. Предупреждаю: перейдёшь эту дорогу... — Он указал на солдат в камуфляже на другой стороне улицы. — ...то без сломанной ноги ты из Шанхая не уйдёшь.

Он крикнул Немому:

— Держи его. Если не удержишь, получишь вместе с ним.

Сказав это, он ещё полминуты отдышался, прежде чем повернуться и пойти обратно. Сделав пару шагов, он снова обернулся и, обращаясь к Цан Ицзину и Фэн Яну, помахал рукой, повернув её тыльной стороной наружу. Это был жест, означавший «убирайтесь».

Чжун Жуйчжи, едва войдя в дом, не смог сдержать слёз. Он шёл вперёд, и слёзы катились по его лицу.

Он был словно сделан из воды, соревнуясь с Цан Ицзином за пределами дома в том, кто заплачет больше, кто прольёт больше слёз.

Он не издавал ни звука, и Яо Мянью подумала, что он не плачет. Она повернула его за плечи, чтобы посмотреть в лицо, и только тогда увидела столько слёз.

В этот момент Яо Мянью действительно испугалась, потому что она почувствовала отчаяние разбитого сердца Чжун Жуйчжи. Она боялась, что сын действительно рассорится с ней и станет её врагом, боялась потерять Чжун Жуйчжи из-за этого дела.

— Не бейте его... — заговорил Чжун Жуйчжи.

Яо Мянью кивнула.

Чжун Жуйчжи вздохнул. Хотя слёзы всё ещё текли, его голос был относительно спокоен:

— Ладно, наконец-то всё закончилось... Не вините его. Не вините его...

Они смотрели, как Чжун Жуйчжи поднимается по лестнице. Кого можно винить в таком деле?

— Грех, — вздохнула Чжан Пин.

На следующее утро из Пекина позвонили и сообщили, что петушок Вово Чжун Жуйчжи был найден мёртвым в курятнике.

С этого момента всё, что касалось любви в семнадцать лет, закончилось.

Чжун Жуйчжи вдруг вспомнил о маленькой розовой ракушке, которую они нашли на пляже Бэйдайхэ и которая давно потерялась.

Почему в жизни всегда что-то теряется?

Он снова взял в руки сигареты, которые позволяли ему ненадолго расслабиться.

Одна за другой,

одна за другой, одна за другой...

В одиночестве он погружался в дым, вспоминая человека, которого сам же и оттолкнул.

Когда Цан Ицзин вернулся в Шэньчжэнь, его глаза были слегка опухшими. Фэн Ян протянул ему солнцезащитные очки, но он отказался.

Выйдя из машины, он был обхвачен за ногу Ван Чэнь, которая бросилась к нему.

Эта слегка полноватая девушка всегда была жизнерадостной и улыбчивой, но впервые она плакала так горько.

Цан Ицзин присел, чтобы помочь ей подняться:

— Встань, поговорим.

— Босс, пожалуйста, отпусти Сяо Дина... — сказала Ван Чэнь. — Гу Мяожань уже отступил, он вложил не так много денег. Почему же он не смог уйти?

Пятьсот тысяч в устах Цан Ицзина были всего лишь «не так много».

— Я спрашивала его, но он не сказал мне... — сказала Ван Чэнь. — Должники пришли к нему домой, отрубили ему два пальца и... избili до госпитализации.

Цан Ицзин не хотел доводить до смертей. Когда он только начинал заниматься бизнесом, он намеренно преследовал человека, который донёс на его дядю. В конце концов, хотя тот и не был в долгах, но действительно остался без заказов, потерял две рыбацкие лодки и в итоге продал землю, чтобы расплатиться с долгами, а затем покончил с собой, устроив у себя дома отравление угарным газом.

К счастью, его семья вовремя обнаружила это, но отравление угарным газом серьёзно повредило мозг. В то время в Циньхуандао не было барокамеры, и Цан Ицзин нашёл машину, чтобы отвезти его в Пекин на лечение. Он не только оплатил все медицинские расходы, но и содержал его семью.

Даже после выписки из больницы он предоставил ему работу.

У него были свои методы, но он никогда не думал о том, чтобы довести кого-то до смерти из-за денег.

Однако после переезда в Гуандун, где суммы денег, с которыми он имел дело, становились всё больше, а борьба за интересы всё ожесточённее, косвенно из-за этого несколько человек, не выдержав банкротства или потери работы, покончили с собой, прыгнув с крыш.

Поэтому, как и в случае с Дин Минбо, он намекал на это в своих словах.

<http://tl.rulate.ru/book/5573/197336>